

Каменев Лев Борисович

Чернышевский

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л34

Л34 **Лев Борисович К.**
Чернышевский / Каменев Лев Борисович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 197 с.

ISBN 978-5-519-87919-4

Философия. История философии. Русская философия. Философская и общественная мысль России 19 в начала 20 в 1861-1895. Философские взгляды русских революционных демократов. Чернышевский Николай Гаврилович 1828-1889 - философские взгляды. Литература о философском учении

ISBN 978-5-519-87919-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВЫПУСК XIII

Л. Б. КАМЕНЕВ

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

В КНИГЕ 12 ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

МОСКВА 1933

Уполн. Главлита В—61228. Изд. № 207. З. Т. 554 Тираж 40 000 экз.

Колич. знаков в бум. листе 88 000. Стат А—148×215 мм. Колич. бум. листов 6¹/₈.

Книга сдана в производство 5/V 1933. Подписана к печати 10/VI 1933 г.

Отп. в 7-й тип. Мособлполиграфы „Искра революции“, Москва, Арбат, Филипповский пер., 13.

С ним нельзя было шутить идеями.
Чернышевский о Гоголе.

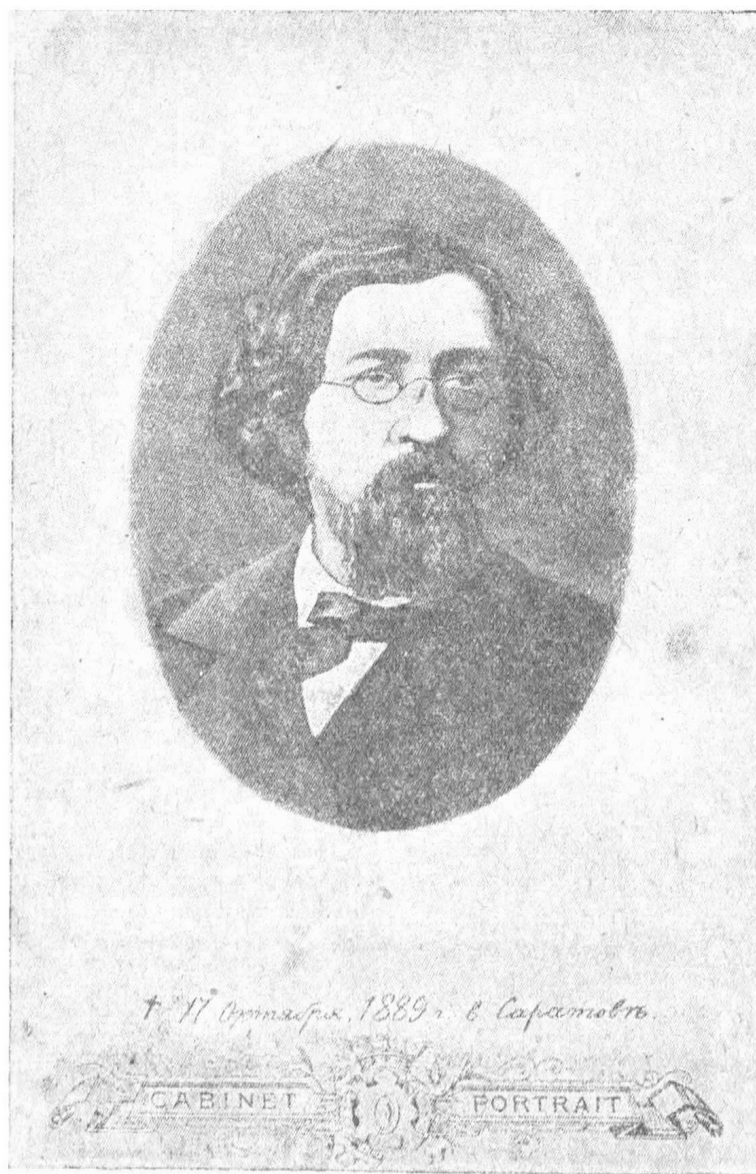
Иди и гини безупречно.
Умрешь не даром. Дело вечно,
Когда под ним струится кровь.
Из Некрасова.
Чернышевский о Добролюбова.

Думая об этих десятках миллионов нищих, я радуюсь тому, что без моей воли и заслуги придано больше прежнего силы и авторитетности моему голосу, который зазвучит же когда-нибудь в защиту их.

Чернышевский о себе.

Беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадет даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы.

Ленин.

Портрет Н. Г. Чернышевского
Из альбома В. И. Ленина и с его собственноручной надписью
(Подлинник в Институте Ленина)

ОТ АВТОРА

ВЗГЛЯДЫ Чернышевского неоднократно излагались. Жизнь его рассказана в толстых исследованиях и популярных брошюрах. Маркс в предисловии к «Капиталу» назвал его «великим ученым и критиком» капитализма. Ленин охарактеризовал его суждения как «гениальные провидения» и неизбежно установил его великую роль в истории социалистической мысли и русской революции. Со дня ухода Чернышевского с литературной и политической арены прошло семьдесят лет. Коренным образом изменилось за это время лицо его страны.

Почему же мы вновь и вновь обращаемся к нему? Чего ищем в нем? Великую могилу? — Нет? Великую вежу современности. Чернышевский — залог Октябрьской революции за шестьдесят лет до ее первого выстрела. Он не был ни марксистом в теории, ни коммунистом в практике, но путь от него лежал только к Октябрю.

Оглядываясь на прошлое страны, вождь Октября не мог найти в нем никого, столь близкого ему по духу, как автор воззвания «К барским крестьянам». «К Чернышевскому Владимир Ильич чувствовал какую-то непосредственную близость» * — это неслучайно запомнилось соратнику Ленина. Близкий Ленину, он близок и всей эпохе Ле-
., близок и всем нам.

той истории России, которая поставит своей задачей рассказать, и почему в этой стране стал неизбежен Октябрь, Чернышев-у — мыслителю и человеку — будет уделена одна из первых и ных глав. К нему тянет присмотреться ближе, чтобы понять кое-полнительно в Ленине, в Октябре, в нашей эпохе.

о воспринимаешь не только как «своего», но и как живого, и пс-так трудно писать о нем, как о давно отошедшем прошлом. е труднее преодолеть мысль, что пера историка и публициста не-точно, чтобы восстановить в памяти современников прекрасный

воспоминаний Н. К. Крупской.

образ этого человека. Ибо — «личность этого человека так благородна, величественна и вместе так симпатична и прекрасна, деятельность его так чиста и сильна, влияние так громадно, что чем более всматриваешься в черты этого человека, тем сильнее и сильнее проникаешься любовью к нему. Гениальный ум, благороднейший характер, твердость воли, пылкость и нежность души, сердце, открытое сочувственно ко всему, что прекрасно в мире, сильные, но чистые страсти, жизнь без тени порока или упрека, полная борьбы и деятельности — все, чем может быть прекрасен и велик человек, соединилось в нем» (Чернышевский о Лессинге).

.

1. ЗАВЯЗАННЫЙ УЗЕЛ

1. МЕЖДУ САРАТОВОМ И ПЕТЕРБУРГОМ

18 МАЯ 1846 года жена саратовского протоиерея, Евгения Егоровна Чернышевская, отправилась в Петербург: она везла своего старшего сына Николая, только что покончившего с семинарской учебой и собиравшегося поступить в Петербургский университет. Ехали на лошадях. До Петербурга доехали через месяц. «При отсутствии у повозки рессор даже у меня грудь и тело болели от постоянной тряски и ушибов; что же сказать про маменьку, — писал Николай отцу с дороги. — Да сверх того, еще неудовольствия с извозчиком, от которых маменька плакала раза три в день». По дороге останавливались в домах священников, товарищей отца по учению и службе, а в Петербурге новоприбывшие попали сразу в орду земляков-саратовцев. Здесь жил Александр Федорович Раев, тоже сын саратовского священника; он окончил университет, вскоре поступил на государственную службу, служил благоправно и упорно, занимал видное место при синоде и умер членом совета министерства финансов. Здесь жил и кончал духовную академию Иван Григорьевич Терсинский, сын священника Саратовской губернии, муж двоюродной сестры Чернышевского: это был человек положительный и строгих правил, тридцать лет впоследствии он заправлял делами святейшего синода и генеральствовал над сельскими попами. «В домашней жизни часы досуга любил посвящать чтению слова божия, а из светских — чтению латинских классиков». Во II отделении собственной его императорского величества канцелярии служил саратовец Олимп Яковлевич Рождественский — сомневаться в его духовном происхождении и высоких житейских правилах было бы грешно. Высоко над этой колонией саратовцев в Петербурге возвышался Федор Лукич Переверзев, бывший саратовский губернатор, а ныне член совета министерства внутренних дел. А. В. Никитенко, цензор и профессор, писал о нем: «Я знаю его лично. Это —

глубокий невежда, к этому же нетрезвый». По должности и из внутренней потребности он занимался государственными вопросами и проявил здесь незаурядную решительность и систематичность суждений. В 1856 году он составил объемистую записку в защиту крепостного права, отрывки которой опубликовал «Колокол» в заметке под заглавием «Федор Переверзев — вития рабства». Тайный советник писал здесь между прочим: «Некоторые думают, что начало истинного благоденствия крестьян есть обучение их грамоте. Способ сей полезен в племенах Готфского происхождения и лютеранского исповедания, а у племен Славянских он оказывает дурные последствия. Грамотность наших крестьян отклоняет их от сохи и делает их развратными»¹.

Выше этого главы колонии саратовцев в столице стоял лишь сенатор Кузьма Григорьевич Репинский, земляк Г. И. Чернышевского и товарищ его по семинарии, выдвинутый в свое время Сперанским и затем неуклонно шествовавший вверх по ступеням лестницы чинов и почестей. Он был ласков с сыном своего товарища, но Николай Чернышевский стеснялся бывать у него без парадного мундира.

Саратовский протоиерей и его жена могли, таким образом, не беспокоиться о судьбе своего сына в Петербурге: столица разворачивала перед последним целую галерею высоких образцов истинного благочестия и разумно устроенных карьер. Надо было только не уклоняться от проложенных путей.

Семейное гнездо снабдило юношу всем необходимым для следования по этим путям. Юноша был благонравный, благоразумный; почтительный сын; трудолюбив; религиозен. Семья была не богата, но достаточна; сыну была обеспечена возможность учиться и жить в Петербурге скромно, но без больших лишений. Семья была религиозна в меру, ровно настолько, насколько требовалось это официальным положением отца — исполнительного и строговатого чиновника духовного ведомства, но не фанатика, не мистика, не аскета. Матвей Иванович Архаров, родственник семьи, тип ханжи и религиозного лицемера, «видел, — вспоминал впоследствии Чернышевский, — прискорбную необходимость рассматривать предметы в беседах с нашей семьей и другими нашими родными исключительно с земной точки зрения. Духовный смысл никак не вклеивался в эти разговоры. Все мы были духовные люди, или... тесно связанные с ними люди; церковь, священник, обедня, архиерей, пост, исповедь и принадлежащие к тому же кругу жизни слова, конечно, составляли чрезвычайно значительную долю произносимых нами слов, и понятия, им соответствующие, со-

¹ Все ссылки на источники см. в конце книги, после текста.

ставляли, может быть, целую половину наших мыслей. Но все это занимало нас исключительно со стороны, совершенно неудовлетворительной для Матвея Ивановича. Церковь, это было у нас — преимущественно «наша церковь», то есть Сергиевская, в которой служил мой батюшка; например, «белить церковь» — вероятно, наша семья столько же толковала об этом вопросе, сколько о том, делать ли вновь деревянную кровлю на нашем доме, когда прежняя изветшала, или крыть дом железом... «Священник» — это был у нас чаще всего Яков Яковлевич, товарищ моего батюшки, по «нашей церкви», прекрасный человек, которого обидели, отставив от должности эконома при семинарии, чтобы отдать эту должность тоже священнику NN, о котором предсказывалось (и сбылось), что он растратит казенные деньги; и все другие священники, и дьяконы, и дьячки, и пономари занимали нас все с таких сторон»².

Это была как раз та форма и степень религиозности, которая нужна была хозяину саратовского протоиерия, государству: возведенное в степень непрекаемого, свыше данного закона исполнение ряда обрядов, дисциплинирующих сознание и волю масс.

На той же стадии развития находились и общественные взгляды саратовского семейного гнезда.

Бабушка рассказывала: однажды у дома ее отца остановилась богатая карета и вышедший из нее барин предложил семье взять на воспитание младенца. Предложение было принято. «Мы с бабушкой были люди очень строгих нравственных понятий и беспощадно строги к уклонениям даже и мужчин (не говоря уж о женщинах) с пути добродетели, — вспоминал Чернышевский. — Мы распространяли свое отвращение и на плоды, рождающиеся от таких уклонений. Бабушка не называла эти незаконно происшедшие существа иначе, как словом, которых было бы более эффектно, нежели прилично в печати. И ведь мы очень понимали, что эти барин и барыня ушли с пути добродетели, и младенец, драгоценный нам, порожден не добродетельно. Что ж это мы совершенно не хотели замечать этой возмутительной для нас стороны дела? Несправедлив к нам был бы тот, кто приписал бы это шопоту нашего корыстолюбия или честолюбия: «закрывай глаза», нет, мы не закрывали глаз, наши глаза, совершенно открытые и очень внимательно смотревшие, не видели, не могли видеть того, что следовало бы, кажется, заметить. Наши нравственные принципы допускали наше зрение видеть тут только почтенное. Как так? Вот как: да разве могли мы судить таких важных людей, как этот барин и женщина, ехавшая с ним? «Такие люди ничего дурного не делают», — это был наш твердый принцип: чем ниже, тем хуже; чем выше, тем лучше, и на известной высоте все прекрасно, — мы были тверды в этом»³.

Вспоминая этот бабушкин рассказ много лет спустя, Чернышевский вспоминал и другой «анекдот», рассказанный ему уже в 1856—1857 годах Сигизмундом Сераковским, повешенным через несколько лет за участие в польском восстании. Рассказ относится к тому времени, когда сданный в солдаты Сераковский отбывал в Оренбургских батальонах наказание за попытку в 1848 году связаться с революционным движением в Австрии. Вот как передал «анекдот» Сераковского Чернышевский.

«Однажды, сидя в казарме, стал он (Сераковский) вслушиваться, как солдат, готовясь к смотру, твердит «словесность». — «Словесность» — это значит «пунктики», а «пунктики» — это значит: изложение основных понятий о звании и обязанности солдата, которое надобно солдату знать твердо, потому что начальники, приезжающие осматривать войска, должны удостовериться, между прочим, и в этом, и спрашивают у солдат эти «пунктики». Один из пунктиков служит ответом на вопрос: «что нужно солдату?» — и начинается так: «Солдату нужно немного: любить бога, царя и отечество», и т. д. Вот мой знакомый слушает, солдат твердит: «Солдату нужно — остановка — немножко любить бога, царя и отечество. В другой, в третий раз — все то же самое: «Солдату нужно: немного любить бога» и прочее. «Ты, мой друг, не так учишь, надобно вот так: «Солдату нужно немного», — это значит, что немного требуется от солдата, что обязанность у него легкая и вот такая: «любить бога, царя, отечество», — а любить их надобно усердно, учи же так: — «Солдату нужно немного», — знакомый делает остановку в голосе, — «любить бога, царя и отечество». — «Так, как вы говорите, выходит больше толку, но фельдфебель показывал так, как я учу», сказал солдат... Мой знакомый пошел к ротному командиру. Ротный командир был человек очень простого образования или вовсе никакого. «Солдаты учат пунктики вот как». — «Я и сам знаю пунктики так, как они, а не так, как говорите вы. Так написано. Ступайте к батальонному командиру, я не могу переменить». Правда. Мой знакомый пошел к батальонному командиру. И тот тоже: «Я сам так знаю пунктики, как они. Должно быть, что так написано в списке, который прислали нам из корпусной канцелярии». — «Посмотримте, так ли». «Посмотрим, в самом деле», — сказал батальонный командир, призвал писаря, писарь нашел, принес подлинный список, который должен служить основанием для всех копий, посмотрели, — точно, и в нем так написано: «Солдат должен» — две точки — «немного любить» и т. д. Выше батальонного не было начальника на сто верст, а может быть, и на пятьсот кругом, — итак, батальонный командир, тоже человек простой, не мог отправить моего знакомого к высшему начальству за разрешением, должен был решить вопрос о «словесности» сам. Мой знакомый стал объяснять то,